

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по Исторіи Русской Церкви.

I. Оченъ сомнительный юбилей. II. Патріархъ Гермогенъ по новымъ даннымъ. III. О древне-русскихъ братствахъ. IV. Кіевская академія 200 лѣтъ тому назадъ: виѣшнее состояніе, внутренній строй—выборное начало въ корпораціи, студенческія конгрегаціи. V. Послѣдняя борьба православнаго духовенства съ уніей въ 1609—1611 гг. VI. О духовной пензурѣ въ Россіи. VII. Митрополитъ Филаретъ у себя дома. VIII. Изъ Воспоминаній протоіерея Базарова: священникъ Гумилевскій, изъ исторіи духовной школы и духовенства минувшаго столѣтія, изъ исторіи духовной журналистики. IX. Освободительная эпоха и попытки реформъ въ духовномъ вѣдомствѣ; Особое Присутствіе; нужды духовенства и церкви, выясненныя печатью; учрежденіе приходскихъ попечительствъ; сокращеніе приходовъ.—Перечень другихъ статей.

Статьи по Исторіи Русской Церкви, помѣщенныя за послѣднее полугодіе въ прошлогоднихъ журналахъ, отличаются и разнообразіемъ своихъ темъ и степенью своихъ достоинствъ.

I. Въ статьѣ „*Важный моментъ въ исторіи Холмской Руси*“ (къ вопросу о 900—лѣтіи Холмской епархіи, Странникъ, августъ) г. Гр. Ольховскій повторяетъ старое и давно устарѣвшее предположеніе о до—христіанскомъ существованіи города Холма, объ основаніи здѣсь въ 1001 г. кафедральнаго Рождество-Богородицкаго собора, объ учрежденіи въ Холмѣ епархіи еще при св. Владимирѣ. Это мнѣніе, основанное на преданіяхъ и показаніяхъ сомнительнаго достоинства, можно было отстаивать до открытія Ипатской лѣтописи, т. е. до Карамзина, но повторять его теперь по меньшей мѣрѣ странно. Названная лѣтопись ясно и опредѣленно рассказываетъ объ основаніи Холма княземъ Галицкимъ Даниломъ Романови-

чемъ († 1264), правда не указывая точно года этого происшествія, но рѣшая, что до 900-лѣтія самаго города Холма не дожить намъ съ г. Ольховскимъ. Статья составлена слегка—безъ непосредственнаго изслѣдованія источниковъ, безъ обстоятельнаго изученія литературы по вопросу, по двумъ-тремъ книжкамъ, которыя авторъ и цитируетъ. Поэтому мы не считаемъ нужнымъ разбирать его шагъ за шагомъ. Покажемъ только для образца научныхъ приѣмовъ г. Ольховскаго его попытку примирить до-христіанское возникновеніе Холма съ показаніемъ лѣтописи объ его основаніи въ XIII в. Вотъ разсказъ лѣтописи: „Холмъ бо городъ сице бысть созданъ: Божіимъ веленьемъ — яздящу (Данилови) по полю и ловы дѣющу и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящу округъ его полю, и вопроша то-земѣцъ: „како именуется мѣсто се?“ Они же рекоша: „Холмъ ему имя есть“. И возлюбивъ мѣсто то и помысли, да сожигетъ на немъ градецъ; обѣщася Богу и святому Ивану Златоусту, да сотворитъ во имя его церковь. И сотвори градѣцъ малъ, и видѣвъ же, яко Богъ помощникъ ему и Іоанъ спѣшникъ ему есть, и созда градъ иный, его же татарове не возмогаша прияти, егда Батый всю землю Русскую поима; тогда и церковь святой Троицѣ зажъжена бысть, и паки создана бысть. Видивъ же се князь Данило, яко Богу поспѣвающему мѣсту тому, нача призывать прихожаѣ, Нѣмцѣ и Русь, иноязычники и Ляхы; идяху день и во день, и уноты и мастерѣ всяции бѣжаху ис татаръ, сѣдѣлници, и лучници и тулници и кузницѣ желѣзу, мѣди и серебру; и бѣ жизнь и наполниша дворы, окрестъ града поле и села ¹⁾“. Въ нашихъ лѣтописяхъ нѣтъ еще такого яснаго и обстоятельнаго разсказа о построеніи города князьями. Но г. Ольховскій, убѣжденный въ большей древности Холма, старается истолковать приведенное мѣсто въ смыслѣ перенесенія и укрѣпленія поселенія, существовавшего раньше. Туземецъ не задумываясь называетъ мѣсто Холмомъ, рассуждаетъ нашъ авторъ, значить здѣсь существовало поселеніе (древній Холмъ). Было будто бы удивительно и неправдоподобно, чтобы туземецъ такъ прямо могъ наименовать Холмомъ мѣсто совершенно новое, дотолѣ неизвѣстное. Нисколько не удиви-

¹⁾ Ипат. лѣт., Сиб. 1871, стр. 558, подъ 1259.

тельно—и не населенное мѣсто можетъ носить опредѣленное, всѣмъ извѣстное названіе. Мѣсто, на которомъ преп. Сергій основалъ свой монастырь, было пустынное, удаленное отъ людскихъ поселеній во всѣ стороны, а между тѣмъ имѣло опредѣленное названіе (Маковецъ). „Мѣсто“ — какъ поселеніе именно обратило вниманіе князя (говоритъ г. Ольховскій) и онъ спрашиваетъ его имя. Но терминомъ „мѣсто“ на древне-русскомъ языкѣ чаще обозначалось „поле, открытое мѣсто“, чѣмъ поселеніе (см. *Срезневскаго*, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, т. II, 246). Самое выраженіе „и созда градъ иный“ указываетъ будто бы на то, что здѣсь градъ существовалъ и раньше, а Даниилъ построилъ „иный“, другой градъ и на другомъ мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ это выраженіе означаетъ и притомъ совершенно ясно только то, что крѣпость въ новопостроенномъ городѣ своемъ князь Даниилъ устроилъ въ два раза: сначала въ маломъ видѣ (градецъ малъ), потомъ крѣпость настоящую (см. *Соловьева*, Исторія, I кн. 1204 стб. по изд. Обществ. Польза). Итакъ примирить показаніе лѣтописи о созданіи Холма кн. Данииломъ съ ненадежными свидѣтельствами о его до-христіанскомъ еще существованіи (свидѣтельства Длугоша, преданій) никакъ нельзя. Принимая послѣднія, надо отвергнуть показаніе лѣтописи.—Есть серьезныя препятствія истолковать ея показанія по вопросу о времени построенія Холма. Изъ приведеннаго свидѣтельства выходитъ, что это случилось до нашествія Батые, т. е. до 1240, что тогда ужъ Холмъ представлялъ крѣпость неприступную для татаръ. Между тѣмъ въ той же лѣтописи подъ 1248 г. говорится, что ятвяги напали и завоевали страну „и еще бо Холму не поставлену бывшую Данииломъ“ (стр. 531). Но трудность соглашенія этихъ показаній остается одинаковой, какъ бы мы ни понимали участіе Даниила въ исторіи Холма,—въ смыслѣ ли его первоначальнаго основанія или въ смыслѣ перенесенія на новое мѣсто. Итакъ остается самымъ вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ, что гор. Холмъ возникъ по волѣ кн. Даниила Романовича, слѣдовательно въ XIII стол., что церковь Рождества Богородицы, первый разъ упоминаемая въ лѣтописи подъ 1260 г. (стр. 560), создана имъ же, онъ же перевелъ въ Холмъ епархію изъ Угровеска (*Голубинскій*, Исторія 1, 1, 2-ое изд. стр. 699), что наконецъ г. Гр. Оль-

ховскій отпраздновалъ прошедшимъ годомъ очень сомнительный юбилей.

II. „Новыя данныя для характеристики патріарха Гермогена“, *Пл. Васенко* (Журн. Мин. Нар. Просв., іюль),—въ этой небольшой статейкѣ дѣлается сообщеніе объ одномъ отрывкѣ изъ Степенной книги по рукописи XVII в., 20-хъ или 20-хъ годовъ, принадлежавшей раньше патр. Никону, теперь—Академіи Наукъ,—объ отрывкѣ несомнѣнно любопытномъ, а можетъ быть и очень важномъ для исторически вѣрнаго освѣщенія личности и дѣятельности мученика—патріарха. По соображеніямъ г. Васенко отрывокъ составленъ послѣ 1616 и не позже 30-хъ годовъ XVII стол., авторомъ его былъ вѣроятно человѣкъ, близко стоявшій къ патріаршему клиру, можетъ быть клирикъ (онъ умѣетъ владѣть перомъ и знаетъ интимныя подробности дѣятельности Гермогена). Отрывокъ представляетъ отповѣдь или апологію въ защиту патр. Гермогена противъ нелестной для него характеристики, помѣщенной во второй редакціи Хронографа, характеристики, сильно расходящейся съ другими свидѣтельствами о томъ же патріархѣ. Хронографъ характеризуетъ его такъ: отмѣчая его начитанность въ священномъ писаніи и канонахъ церковныхъ, а также выдающійся даръ слова („словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ“), онъ указываетъ и на недостатокъ въ его учительности („но не сладкоглаголивъ“ или „не сладкоучителенъ“ по толкованію г. Васенко—патріархъ имѣлъ недостатки произношенія). Нравомъ патріархъ былъ „грубъ“, „къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ“; не умѣя распознавать злыхъ отъ добрыхъ, онъ „ко лъстивымъ паче и къ лукавымъ прилежа“. Въ отношеніи къ царю Василию Шуйскому Гермогенъ по Хронографу велъ себя недостойно: возмущалъ противъ царя злорѣчіемъ и лестью, питая къ Василию „огонь ненависти и супостатнаго коварства“; патріархъ никогда не бесѣдовалъ съ нимъ „отчелюбно“, но всегда „строптивно и неблаголѣпно“ ¹⁾.

Защитникъ патр. Гермогена, авторъ опубликованной теперь отповѣди, разбираетъ „ложнаго повѣствователя“ шагъ за ша-

¹⁾ Эта характеристика издана *Поповымъ*, Изборникъ статей, внесенныхъ въ рус. хроногр., стр. 200—201, также въ Исторіи Соловьева II кн. (изд. Общ. Польза) стб. 809.

гомъ. Прежде всего онъ уличаетъ того въ противорѣчiяхъ: сказать, что патріархъ былъ словесенъ и хитроуменъ, а съ другой стороны не сладкогласивъ—„есть неразуміе того писателя“. „А еже рекъ *правомъ грубъ* и то писавшій о немъ самъ глупъ“: указывая на хорошее знаніе Писанія и канонъ, онъ въ тоже время обвиняетъ патріарха въ медленномъ разрѣшеніи подвергнувшихся епитиміи (которое, долженъ понимать читатель, тоже опредѣлено правилами и должно быть извѣстно Гермогену). На то, что Гермогенъ бесѣдовалъ съ царемъ „строптиво и неблагоугодно“, защитникъ отмѣчаетъ такъ: это не правда; въ то время злое патріархъ многихъ удержалъ отъ заблужденія въ лютеранство и латинство; отсылая читателя къ Исторіи Авраамія Палицына, онъ отмѣчаетъ, что въ годы лихолѣтя, смуты и клятвопреступленій пастырь не можетъ проявить любви: „и какую бы любовь показавати къ преступникамъ заповѣдей Божіихъ?“ Не съ царемъ враждовалъ патріархъ, „но съ неподобными совѣтниками его“, увѣряетъ его защитникъ и рассказываетъ примѣръ: послѣ взятія царскими войсками Тулы въ 1607 г. патріархъ настаивалъ на полномъ подавленіи смуты и при томъ одними русскими силами безъ помощи иноземцевъ. Его царь не послушалъ и поздно сознавъ свою ошибку „возрыда и восплакася“, а утѣшителемъ его явился тогда патр. Гермогенъ. Съ крамольниками, которыхъ тогда было много не только среди мірянъ, но и въ духовенствѣ, онъ обходился довольно круто—кромѣ моленій и наставленій онъ употреблялъ епитиміи и даже проклятiя, но раскаявшихся принималъ охотно и ходатайствовалъ за нихъ. Свое терпѣніе онъ обнаруживалъ къ мірскимъ, не расположеннымъ къ нему людямъ: приглашалъ къ себѣ на обѣдъ и крутой на словахъ и суровый видомъ („прикрутъ въ словесѣхъ и въ возрѣніихъ“) онъ на дѣлѣ былъ ко всѣмъ благосердъ. Защитникъ отмѣчаетъ широкую благотворительность патріарха—милостыню нищимъ, снабженіе обувью и одеждой ограбленныхъ, трату серебра и злата на раненыхъ. Патріархъ самъ пришелъ въ послѣднюю нищету и померъ мученикомъ.

Вотъ содержаніе „новыхъ данныхъ для характеристики патр. Гермогена“. Г. Васенко справедливо отмѣчаетъ ихъ важность для правильнаго представленія о личности патріарха, когда указываетъ, что наши лучшіе историки—Соловь-

евъ, Костомаровъ и Платоновъ въ недавно вышедшемъ трудѣ „Очерки по исторіи Смуты—“въ сужденіи о Гермогенѣ руководятся отзывомъ Хронографа. Но намъ кажется несправедливымъ замалчивать имя историка, который былъ давно несогласенъ съ характеристикой Хронографа и опровергалъ ее—это митр. Макарій. Признавая показанія—Хронографа мало заслуживающими вѣры, въ защиту личнаго характера патріарха историкъ не могъ ничего сказать „за неимѣніемъ данныхъ“. Но говоря объ отношеніяхъ Гермогена къ Шуйскому, онъ справедливо замѣчаетъ, что противъ этихъ обвиненій „вопіетъ вся дѣятельность Гермогена“¹⁾. Такимъ образомъ преосв. Макарій какъ бы чувствовалъ потребность въ томъ опроверженіи характеристики Хронографа, которое теперь дѣлается достояніемъ науки.

III. Въ статьѣ г. С. Кедрова „*Древне-русскія братства*“ (Русскій Архивъ кн. 7) читатель не найдетъ чего-нибудь новаго по интересному и достаточно разработанному вопросу о древне-русскихъ братствахъ. Она составлена по работамъ Папкова, Знаменскаго, Малышевскаго, Харламповича, Скобланича и др. Еслибы статья эта представляла только добросовѣстное извлеченіе и резюме существующей литературы, она была бы полезна для ознакомленія съ вопросомъ, насколько онъ разработанъ въ литературѣ. Но объ ней и этого сказать нельзя. Авторъ понадергалъ въ свой очеркъ изъ того да изъ другого изслѣдователя, слабо сшивъ добытые лоскуты. Впрочемъ, кажется, отъ себя онъ ведетъ разсужденія общаго характера на такія темы, какъ „идея братствъ“, „вліяніе прихода на воспитаніе личности“, но разсужденія эти неисторичны вслѣдствіе своей отвлеченности и потому неубѣдительны. Отъ себя авторъ вплетаетъ въ исторію братствъ такія явленія, которыя едва ли имѣли непремѣнную или даже и какую-нибудь связь съ этимъ явленіемъ. Напримѣръ изъ вторыхъ рукъ, не называя своего настоящаго источника, онъ приводитъ описаніе древне-русскаго пира, сдѣланное въ древнемъ поученіи,—пира, на которомъ присутствовало и духовенство „духовные отцы“ (Р. Арх. 316 кон.—317; сличи С. Смирнова, Древне-русскій духовникъ, стр. 13 по отд. оттиску). Неизвѣстно, почему авторъ видитъ здѣсь пиръ братчины:

¹⁾ Исторія русской церкви, т. X, стр. 164—165.

древній источникъ не даетъ для этого никакихъ основаній. Другой примѣръ. Авторъ, узнавъ изъ рѣчи проф. В. О. Ключевскаго, „Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права“—о смягченныхъ видахъ холопства въ древней Руси, происхожденіе ихъ объясняетъ идеей братства, воспитанной будто бы братствами. Но это объясненіе совсѣмъ неудачно и авторъ отказался бы отъ него, еслибы познакомился съ другими работами того же автора (напр. о происхожденіи крѣпостного права, о первой подушной подати и отмѣнѣ холопства въ Россіи,—Русская Мысль), ясно отвѣчающими на этотъ вопросъ.

IV. Актовая рѣчь проф. С. Голубева *Кіевская академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.* (Труды Кіевской Дух. Академіи, ноябрь) является въ тоже время юбилейной. 26 сент. 1901 г., когда она произносилась, исполнилось ровно 200 лѣтъ съ того времени, какъ оффиціально академіи было присвоено это наименованіе. Проф. Голубевъ признанный специалистъ въ вопросѣ объ исторіи своей академіи: его рѣчь стоитъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ прежнихъ его работъ—„Исторія Кіевской духовной академіи; періодъ домогилянскій“; „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, который какъ извѣстно былъ „фундаторомъ“ кіево-могилянской коллегіи, переименованной потомъ въ академію; „Очерки изъ исторіи Кіевской Академіи за XVIII столѣтіе“ и „Гедеонъ Одорскій“ (Кіев. Стар. 1889 и Тр. Кіев. Дух. Ак. 1900). Поэтому въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ небольшое, но основательное изслѣдованіе, снабженное научными примѣчаніями, въ которыхъ помѣщено немало новыхъ документовъ, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи, имѣемъ изслѣдованіе, исправляющее и дополняющее раннѣйшія работы по исторіи Кіевской академіи того времени. Познакомимся съ содержаніемъ рѣчи.

Послѣ смерти Петра Могилы матеріальныя средства и научныя силы его коллегіи стали быстро умаляться. Кіеву и въ частности коллегіи приходилось сильно чувствовать смуты, происходившія тогда въ Малороссіи: въ одну изъ смутъ въ 1658 г. Братскій монастырь и зданіе коллегіи сгорѣли. Около двухъ лѣтъ коллегія была безъ ректора, такъ какъ Іоанникій Голятовскій, гонимый мѣстоблюстителемъ

кіевской митрополіи, скитался по отдаленнымъ отъ Кіева городамъ. Но самый смертельный ударъ коллегіи готово было нанести московское правительство, которое относилось съ недоувѣріемъ къ западной наукѣ и опасалось, что въ кіево-могилянскій коллегіи, гдѣ въ основу преподаванія положены были латино-польскіе образцы, культивируются симпатіи, чуждыя московскимъ воззрѣніямъ. Поэтому на челобитіе о возобновленіи кіевскихъ школъ было высказано, что лучше бы тѣхъ школъ не заводить, если то „кіевскимъ жителямъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе“. Кіевскіе жители заступились за свою школу и московскій бояринъ, бывший на кіевскомъ воеводствѣ, доносилъ въ Москву, что „перевести то старую школу (кіево-могилянскую коллегію) нѣкоторыми мѣры нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе“. Преемникъ Голятовскаго Варлаамъ Ясинскій былъ достойный ректоръ—образованный и всецѣло преданный интересамъ коллегіи. Управляя коллегіей во время политическихъ бурь и церковныхъ нестроений, онъ обращается съ просьбами то въ Польшу, то въ Москву. Въ Москвѣ относились къ его просьбамъ довольно холодно и отсылали къ малороссійскому гетману. Гетманскія милости однако не вознаградили потерь, понесенныхъ коллегіей въ смутное время. Скоро Ясинскій долженъ былъ оставить ректуру, а его преемники не отличались его достоинствами. Съ 90-хъ годовъ XVII стол. для могилянскій коллегіи наступаютъ лучшія времена. Въ 1690 г. на столъ митрополита кіевского былъ возведенъ Варлаамъ Ясинскій, участливо относившійся къ коллегіи, его воспитавшей. Онъ озаботился выборомъ „благоразумнаго и благочиннаго устроителя“ коллегіи—ректора и остановился на Іоасафѣ Кроковскомъ, вполнѣ оправдавшемъ надежды Ясинскаго. Образованный, довершившій своего образованіе за границей питомецъ коллегіи, Кроковскій долго служилъ въ ней профессоромъ. Онъ настойчиво приводитъ въ порядокъ запущенныя экономическія дѣла коллегіи. Въ его правленіе возвращаются изъ за границы даровитые студенты коллегіи, отправленные еще Ясинскимъ въ бытность ректоромъ для довершенія тамъ образованія. Но главная заслуга этого ректора въ томъ, что онъ исходатайствовалъ передъ правительствомъ для коллегіи права высшаго учебнаго за-

веденія. Онъ самъ отправился въ Москву (въ 1693 г.) съ рекомендательными письмами и челобитными, былъ принятъ ласково и получилъ двѣ царскихъ грамоты (1694 г. январь), изъ которыхъ одна опредѣляла экономическую сторону коллегіи, другая ея права. За коллегіей утверждалось право имѣть высшіе классы философіи и богословія, разрѣшалось обучать не только дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ, но и православныхъ изъ иныхъ странъ приходящихъ: коллегія ограждалась отъ притязаній и стѣсненій со стороны военныхъ чиновъ и городского управленія; ей назначалось опредѣленное царское вспомошествованіе. Но въ грамотѣ недостаточно ясно было сказано о предоставленіи коллегіи собственнаго суда надъ учащимися. А между тѣмъ кіевскій войтъ выхлопоталъ себѣ въ Москвѣ государеву грамоту, предоставлявшую кіевскимъ мѣщанамъ право приводить въ приказную избу безчинствующихъ студентовъ. Мѣщане скоро воспользовались своимъ правомъ, представивъ на судъ въ приказную избу провинившагося студента. Это произвело сильное волненіе коллегіатовъ—какъ профессоровъ такъ и студентовъ. Они обратились къ митрополиту съ прошеніемъ, гдѣ съ подробностями рассказывали объ упомянутомъ случаѣ и заявляли, что ихъ учрежденіе—*Академія* и ей съ самаго основанія присущи тѣ права свободы, т. е. самоуправленія и суда, которыми пользуются академіи „во всѣхъ государствахъ иноземскихъ“, и просили, „чтобъ студентамъ, аще бы какая вина и случилась за ними, судъ былъ въ академіи“. Митрополитъ Варлаамъ горячо отнесся къ дѣлу и писалъ Стефану Яворскому, прося у того ходатайства предъ государемъ о дарованіи коллегіи полномочной грамоты и крѣпости о предоставленіи коллегіи собственнаго суда. Стефанъ Яворскій, самъ воспитанникъ могилянскоі коллегіи, выхлопоталъ такую грамоту, расширяющую права школы, предоставляющую ей свой судъ, называющую кіево-могилянскую коллегію академіей. Отъ дня дарованія этой грамоты 26 сент. 1701 г. и считаетъ кіевская академія годы своего существованія, какъ академіи, т. е. высшаго учебнаго учрежденія, снабженнаго соотвѣтствующими правами и привилегіями. Скоро академія обстроилась. Гетманъ Мазепа выстроилъ для нея каменный корпусъ, который потомъ былъ надстроенъ и представляетъ теперешнее зданіе Кіевской академіи.

Быть тогдашней академіи представляеть много любопытнаго. Ректоръ, совмѣщавшій и настоятельство въ Братскомъ монастырѣ, былъ выборнымъ; въ выборахъ участвовали не только всѣ профессора, но и ученое черное духовенство Кіева, которое почти все начинало свою карьеру въ академіи. О результатахъ выборовъ доносилось митрополиту, митрополитъ передавалъ гетману, который своимъ согласіемъ и утверждалъ выборъ. Избранника возводили торжественно по особому чину въ церкви, митрополитъ выдавалъ ему ставленную грамоту. Ректора обычно избирались изъ среды академическихъ профессоровъ: это было для наиболѣе потрудившихся и достойныхъ изъ нихъ наградою за долготѣющую службу въ академіи, было вѣнцомъ ихъ учебной карьеры здѣсь и переходною ступенью къ высшимъ почестямъ. Префектъ, профессора и преподаватели утверждались митрополитомъ. Всѣ они (за рѣдкими исключеніями для низшихъ классовъ) были лицами монашествующими. Каѳедры замѣщались такъ. Наиболѣе даровитые студенты, изъявившіе желаніе принять монашество и послужить академіи, отправлялись за границу для довершенія своего образованія, а по возвращеніи оттуда принимали монашество и получали преподаваніе какихъ-нибудь предметовъ въ низшихъ или въ среднихъ классахъ, а потомъ вмѣстѣ съ своими питомцами переходили въ слѣдующій высшій классъ: по окончаніи пѣнтики профессоръ переводился въ классъ риторическій, затѣмъ въ философскій, а когда избирался ректоромъ, то занималъ каѳедру богословія. Такъ преподаваніе въ Академіи не было постоянною профессіею для лицъ занимавшихся имъ — оно было временнымъ послушаніемъ ученаго монашества. Матеріальное обезпеченіе служащихъ въ академіи состояло въ пищевомъ продовольствіи ихъ на счетъ монастыря; продовольствіе было не скудно, превосходило содержаніе рядовой монастырской братіи, а для профессоровъ высшихъ классовъ въ особенности для префекта было даже преизобильное. Были и посторонніе доходы: паничева консольція — добротныя приношенія отъ богатыхъ родителей учениковъ деньгами и припасами, плата за служеніе въ кіевскихъ церквахъ въ торжественные дни, за произнесеніе проповѣдей. Неудовлѣтворительны только были условія полученія содержанія: оно ставило учащій персоналъ въ зависимость

отъ монастыря,—отъ чего возникали нерѣдко крупныя недоразумѣнія.

Жизнь учащихся также представляла немало интересныхъ особенностей. Въ 50-хъ годахъ XVII стол. коллегія „умалилась, стала какъ малый Захей“. Съ 80-хъ годовъ начинается большое оживленіе, усиливается притокъ ищущей просвѣщенія молодежи, а въ началѣ XVIII в. число учащихся въ академіи достигло болѣе 2000 человекъ. Составъ ихъ былъ самый разнообразный: на ряду съ сыновьями знати здѣсь воспитывались бѣдняки. Бѣдняковъ было большинство. Часть ихъ жила въ бурсѣ, другіе размѣщались въ домахъ при кіевскихъ церквахъ съ обязательствомъ помогать причтамъ при богослуженіи; иные, обладавшіе голосомъ, пристраивались въ хоръ и жили въ отведенномъ для него помѣщеніи. О прокормленіи этой бѣдности заботились *студенческія конгрегаціи*. Членами конгрегаціи были сами воспитанники. Поступленіе въ нее было торжественное, давались присяга, клятвы и обѣты: блажить святое мѣсто — Братскій монастырь и памятовать о немъ и по выходѣ изъ школы. Избирались пять должностныхъ лицъ подъ управленіемъ префекта; они собирали пожертвованія. На эти должности вѣроятно избирались студенты изъ состоятельныхъ классовъ. Конгрегаціи пользовались правами юридически признаннаго учрежденія: имѣли собственную печать, составляли акты, вступали въ денежныя сдѣлки. Но не смотря на помощь конгрегацій бѣдности оставалось много: она читалась чуть не Христовымъ именемъ—распѣвала концерты, давала комедіи, на праздникахъ ходила по домамъ гражданъ. О кіевскихъ школьникахъ того времени есть извѣстіе, что „воруютъ много, попущено имъ отъ митрополита... нѣтъ на нихъ суда“.

Изложивъ нѣкоторые обычаи старой академіи, проф. Голубевъ останавливается на вопросѣ, что въ образовательномъ отношеніи давала академія своимъ питомцамъ, и видитъ ея значеніе въ томъ, что она пробуждала въ обществѣ любовь къ просвѣщенію, уничтожала ненависть ко всему иноземному и прокладывала тѣмъ дорогу къ дѣйствительному просвѣщенію, идущему съ запада.

Скоро старѣйшая изъ русскихъ духовныхъ академій будетъ праздновать 300-лѣтній юбилей своего существованія.

Заблаговременно она стала готовиться къ торжеству: собираются матеріалы, которые будутъ изданы въ нѣсколькихъ томахъ; будетъ приготовлена обстоятельная строго научная исторія академіи. Отъ души пожелаемъ ей полного успѣха.

V. Проф. П. Н. Жуковичъ описываетъ борьбу православнаго духовенства съ уніей въ 1609—1611 г.г. (*Послѣдняя борьба духовенства митрополитъей епархіи съ Потѣмъ и уніей*, Христ. Чт., августъ—сентябрь). Очеркъ стоитъ въ связи съ докторской диссертацией автора, недавно вышедшей — „Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей“ и отличается тѣми же достоинствами, что и эта послѣдняя, и прежде всего тщательностью изученія матеріала не только изданнаго, но и архивнаго. Сеймовая борьба дворянства завершилась двумя конституціями 1607 и 1609 г.г. Для православія было важно то, что послѣдней признано было право существованія православной іерархіи, устоявшей въ борьбѣ съ уніей, и спокойное владѣніе тѣмъ, что ей принадлежало въ моментъ изданія конституціи. Но вынужденная конституція не охранила православія. Король Сигизмундъ III нагло и беззастѣнчиво нарушалъ данное православнымъ сеймовое обязательство. Митрополитъ—уніатъ Ипатій Потѣй явился ревностнымъ борцомъ за унію, не останавливавшимся ни предъ какими средствами. Православное духовенство, опираясь на сочувствіе городского мѣщанства и православной шляхты, противится притязаніямъ Потѣя и его сподвижникамъ. Возникають столкновенія, тяжбы и дѣла переносятся въ судъ, доходя до королевскаго ассессорскаго суда. Возникло пять такихъ процессовъ (два виленскихъ, два новгородскихъ и одинъ гродненскій). Разумѣется, кончились они не въ пользу православія. Произошло покушеніе на жизнь Потѣя. Проф. Жуковичу удалось найти новый документъ по этому дѣлу (письмо современника, почти очевидца), который свидѣтельствуешь, что покушеніе это не было дѣломъ православнаго общества, а одного только виновника — какого-то панскаго гайдука, возмущеннаго сценами отобранія уніатами православныхъ церквей. Въ Кіевѣ борьба съ уніей была энергичнѣе. Въ защиту православія открыто и рѣшительно выступаетъ православная шляхта, опирающаяся на конституцію

1609 г. Наряду съ дворянствомъ защитниками вѣры выступаютъ здѣсь впервые казаки.

VI. „О духовной цензурѣ въ Россіи“ проф. Т. В. Барсова (Христ. Чт., май—сентябрь). Подъ этимъ завлекательнымъ заглавіемъ преподносится читателю сухой и, какъ увидимъ, довольно односторонній очеркъ. Авторъ самъ чувствовалъ это и въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ такое примѣчаніе. „Въ представленныхъ примѣрахъ и описанныхъ способахъ цензурнаго дѣйствованія (Св. Синода) затронута въ нѣкоторыхъ случаяхъ острая сторона вопроса о духовной цензурѣ; но эта сторона изображена на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ въ официальныхъ документахъ, устраняющихъ возможность предвзятой тенденціи. Изъ представленныхъ примѣровъ нѣкоторые уже были затронуты въ печати... но воздерживаясь отъ оцѣнки данной этимъ фактамъ окраски, устраняемся отъ критики тѣхъ или другихъ приѣмовъ цензурнаго дѣйствованія, равно и отъ сужденія о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ, дабы не нарушать принятаго нами метода историческаго изслѣдованія и оставаться на почвѣ официальныхъ документовъ“. Авторъ старается не выйти изъ рамокъ, выѣшнимъ образомъ намѣченныхъ ему главнѣйшимъ его источникомъ — архивомъ Св. Синода и его очеркъ, какъ собраніе официальныхъ данныхъ для исторіи русской духовной цензуры имѣетъ все свое значеніе: онъ излагаетъ организацію русской духовной цензуры въ продолженіе XVIII стол. Но мы не видимъ здѣсь историческаго изслѣдованія. Пусть матеріалы его надежны. Но во-первыхъ странно эта вѣра въ ихъ непогрѣшимость, въ „невозможность предвзятой тенденціи“ въ официальныхъ документахъ, а во-вторыхъ очень ясно видна неполнота ихъ для историческаго рѣшенія вопроса. Духовная цензура въ Россіи несетъ очень высокую миссію охраненія чистоты вѣры и нравственности отъ враждебныхъ имъ вліяній со стороны печатнаго слова. Читатель въ правѣ знать, насколько успѣшно миссія эта исполнялась духовной цензурой. Далѣе. Наша духовная цензура стоитъ контролеромъ надъ произведеніями русской богословской мысли, она имѣетъ отношеніе и къ свѣтской наукѣ и прессѣ, поскольку тѣ касаются религіозно-церковныхъ вопросовъ, а въ прежнее время, которое имѣется въ виду у проф. Барсова, ея зна-

ченіе для русскаго печатнаго слова было еще больше: духовная цензура слѣдила даже за направлениемъ книгъ, идущихъ въ Россію изъ за границы. Во всемъ этомъ не только главный интересъ, но и главная сущность вопроса о духовной цензурѣ, такъ какъ цензура только средство для охранительныхъ тенденцій церкви и государства. Самая исторія организациі разсматриваемаго учрежденія безъ сомнѣнія стоитъ въ связи съ этими основными тенденціями, а также и съ преходящими задачами каждаго историческаго момента: духовная цензура времени Никона или времени Екатерины — не одно и то же. Проф. Барсовъ не первый пишетъ по исторіи русской цензуры. Его предшественники касались нѣкоторыхъ упоминаемыхъ имъ фактовъ и дали имъ извѣстную „окраску“, т. е. совершенно естественное истолкованіе ея „дѣйствованія“ съ точки зрѣнія такъ или иначе понимаемыхъ задачъ учрежденія и интересовъ русскаго общества, государства и церкви. Исслѣдователь, владѣющій основными документами по этимъ дѣламъ, обязанъ вносить поправки, гдѣ это требуется, если онъ не хочетъ превратиться въ безпритязательнаго собирателя матеріала. До какой степени узко понимаетъ свою задачу проф. Барсовъ, могутъ служить доказательствомъ его примѣры дѣйствованія духовной цензуры (до пол. XVIII в.). Здѣсь читатель видитъ цензурную волокиту, длинную, иногда многолѣтнюю, видитъ нѣсколькихъ лицъ по порученію Св. Синода разсматривающихъ то или иное книжное предпріятіе, дающихъ отзывы, справляющихъ текстъ, видитъ наконецъ автора или переводчика просящаго... Но какая судьба постигла его предпріятіе, мы узнаемъ не больше, чѣмъ даютъ объ этомъ знать данныя архива. Читатель долженъ вооружиться специальными бібліографіями, чтобы узнать, увидала ли свѣтъ та или другая книга, или была сдана въ архивъ, какъ тѣ источники, изъ которыхъ черпаетъ свои данныя проф. Барсовъ. И такъ повторяемъ, его очеркъ представляетъ только сборникъ оффиціальныхъ данныхъ для исторіи русской духовной цензуры, какъ учрежденія.

VII. Воспоминанія преосв. Леонида (Краснопѣвкова) епископа Дмитровскаго (1854—1876), скончавшагося Ярославскимъ (1876 г. дек.), помѣщенные въ Русскомъ Архивѣ (кн. 8 „Изъ воспоминаній преосв. Леонида о Моск. Митр. Филаретѣ“)

рисуютъ знаменитаго святителя дома. Здѣсь описывается день митрополита, его привычки, скромное меню его обѣдовъ, вкусы по части одежды и туалета, даже манеры. Видно, что Воспоминанія писаны восторженнымъ почитателемъ, глядѣвшимъ во всѣ глаза на свой кумиръ и внимательно примѣчавшимъ все до мелочи; чего онъ не могъ видѣть самъ, узнавалъ отъ прислуги митрополита и вотъ какъ получилъ напр. свѣдѣнія о способѣ мытья Филарета въ банѣ... Отсылаемъ читателя за подробностями къ самымъ Воспоминаніямъ, а приведемъ изъ нихъ только общую мысль. И дома у себя Филаретъ былъ аристократъ ума и таланта, какимъ являлся онъ предъ всѣми. Его изящныя манеры видимо были тщательно выработаны дома. Въ церкви онъ такъ искусно свивалъ свои тонкіе и самые чистые батистовые платки, что одинъ господинъ наблюдая это замѣтилъ: „у него и это обдуманно, какъ серьезное дѣло“. Филаретъ импонировалъ на постороннихъ своихъ умѣньемъ держаться: Муравьевъ говорилъ что въ немъ есть *сomme il faut*, а иностранныя газеты, описывая коронацію Александра II, замѣчали, что, судя по манерамъ митрополита московскаго, надобно заключать, что онъ происхожденіемъ принадлежитъ къ высшему дворянству. Политичный и крайне осторожный святитель дома высказывался порой откровенно. Вотъ какъ онъ судилъ напримѣръ о положеніи русской церкви за синодальный періодъ. „Петръ переломалъ многое своею дубиной, но можно было бы и исправить. Всего болѣе зла надѣлала Екатерина. Окружающіе творили, что хотѣли. Разграбили церковное имущество. Примѣръ былъ дурной... Еслибы Александръ жилъ долѣе, да не облѣнился и не ввѣрился Аракчееву: то много исправилъ бы. Съ 1815 по 1825 Петербургъ перемѣнился, сталъ степеннѣе, при дворѣ жизнь была скромная. Государь былъ человѣкомъ вѣрующимъ, сталъ жить чисто, императрица Марія была настоящая матрона, величавая“... Но это изъ временъ прошедшихъ, а о настоящемъ „неоднократно говорилъ онъ, что православная церковь въ Россіи въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ была она въ первые три вѣка, т. е. въ періодъ гоненій“. Однажды митрополитъ говорилъ преосв. Леониду: „Петръ Великій такъ ударилъ по головѣ іерархіи, что весь организмъ разбился въ куски“. Когда ему было сказано, не надобно ли просить государя, чтобы

освобождена была церковь отъ покровительствъ, онъ возразилъ: „нѣтъ надобно просить государя императора, чтобы и православной церкви оказывалось хотя столько же покровительства, сколько оказывалось въ Россіи всѣмъ инымъ вѣроисповѣданіямъ“. О своемъ положеніи въ Синодѣ Филаретъ говорилъ: „во все время только и дѣлали, что мнѣ мѣшали“. Интересно описаны отношенія къ Филарету со стороны имп. Николая. Владыка разсказывалъ разъ преосв. Леониду: „когда императоръ посѣтилъ Синодъ, то говорилъ похвалу митр. Серафиму, а на меня взглядывалъ такъ, что эти взгляды трудно было выдерживать“. Отъ кн. С. М. Голицына, московскаго генераль-губернатора, преосв. Леонидъ слышалъ разсказъ о встрѣчѣ Филарета съ Николаемъ на пути между Москвою и Петербургомъ. Государь говорилъ князю: „твой митрополитъ встрѣтился мнѣ на дорогѣ. Онъ вышелъ изъ кареты и поклонился; а я проѣхалъ, сдѣлавъ видъ, будто сплю“. Примиреніе послѣдовало въ 1851 г. когда Филаретъ угодилъ императору, сдѣлавъ золотого голубя—дарохранительницу въ Успенскій соборъ къ торжеству 25-лѣтія его царствованія. Передается интересный еще фактъ для характеристики Филарета: онъ тайно помогалъ Бухареву (разстриженному архим. Θεодору). „Это тотъ Бухаревъ, который самъ говорилъ, что монашество оставляетъ главнымъ образомъ отъ того, что не дозволяютъ ему толкованіе апокалипсиса печатать, а это запрещеніе исходило отъ владыки, который, защищая Θεодора, обвиняемаго въ ереси, выписалъ нѣсколько мѣстъ и заключилъ: „гдѣ тутъ еретикъ? Просто безтолковый“.

VIII. Изъ „*Воспоминаній протоіерея І. І. Базарова*“ (Русская Старина), съ которыми отчасти знакомы наши прошлогодніе читатели (іюнь, 388—393 стр.), мы попрежнему не станемъ останавливаться на автобіографической ихъ части, господствующей въ Воспоминаніяхъ, пройдемъ мимо наблюдений надъ заграничною религіозною жизнью, и отмѣтимъ только сообщенія, касающіяся положенія русской церкви и ея быта, современныхъ автору. Такихъ сообщеній, надо сказать, немного.—Вотъ его воспоминанія объ извѣстномъ піонерѣ приходской благотворительности петербургскомъ свящ. Гумилевскомъ. При тогдашней безжизненности нашей церкви этотъ смѣлый дѣятель сразу обратилъ на себя общее вни-

маніе. Замѣтивъ нищенство на паперти своей церкви, на Пескахъ, онъ идя разъ на службу взялъ за руку одного нищаго, возвелъ его съ собою на церковную кафедру и обратился къ прихожанамъ съ сильною рѣчью о томъ, какъ непростительно богатымъ и состоятельнымъ проходить въ храмъ мимо нищей братіи, не думая помочь бѣднякамъ такъ, чтобы они не были принуждены просить милостыни, и въ заключеніе предложилъ устроить попечительство о бѣдныхъ. Предложеніе было охотно принято и при церкви Гумилевскаго (на Пескахъ) образовалось первое церковное попечительство съ домомъ призрѣнія, церковною школою и затѣмъ больницею. Дѣло вызвало общее вниманіе и сочувствіе. Но оно не понравилось духовному начальству какъ по своей новости, такъ и потому еще, такъ инициативу въ такомъ общественномъ дѣлѣ взялъ на себя простой приходскій священникъ, не испросивъ напередъ ни разрѣшенія, ни благословенія церковной власти. На него пошли гоненія, можетъ быть вызвавшія раздражительность и съ его стороны. Его сослали въ Шлиссельбургъ и только по настоятельной просьбѣ прихожанъ возвратили. Но было поздно, силы надломились, почтенный борецъ за правду жизни сталъ (какъ говорятъ) прибѣгать за утѣшеніемъ къ рюмочкѣ и скоро померъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его писемъ, приведенныхъ въ Воспоминаніяхъ Базарова. Онѣ очень хорошо характеризуютъ настроеніе несчастнаго дѣятеля. „Все противъ меня,—за меня одни простые люди. Братство затѣялъ въ Петербургѣ, является братство въ Черниговѣ. Лучшая награда для меня. Возстановленіе діакониссъ провозгласилъ и теперь... готовъ умереть. Это слово тоже не замретъ: жизнь дошла до рѣшенія этого вопроса... Пусть судятъ меня фарисеи, пусть хоть ссылаютъ меня эти лицемѣры,—мнѣ ничто теперь не страшно. Христосъ со мною—мнѣ ли унывать?“ „Журнала нашего („Духъ христіанина“), пишетъ онъ въ другой разъ, не запретили. Этимъ мы обязаны владыкѣ нашему: онъ твердо сталъ за наше дѣло, и теперь мы можемъ трудиться не опасаясь смерти; а то вѣдь Богъ знаетъ, что ужъ задумали? Поговаривали, что недурно было бы рясы снять съ насъ“. „Враговъ у нашего журнала очень много, но за то много и друзей. Уже дважды оберъ-прокуроръ требовалъ въ Синодѣ запрещенія нашего журнала все изъ за

меня лѣтописца, да владыка еще поддержалъ. Что будетъ не знаю, но буду честно трудиться до конца"... Видно отсюда, какъ было трудно вести смѣло новое дѣло простому священнику, даже имѣющему на своей сторонѣ сочувствіе прихожанъ и общества.

Старшій сынъ Базарова былъ опредѣленъ отцомъ въ Петербургскую духовную семинарію. Тамъ возникли безпорядки и молодой Базаровъ писалъ за границу о семинарскихъ дѣлахъ, между прочимъ о томъ, какъ было исключено 50 учениковъ, какъ инспекторъ—монахъ, раздраженный выговоромъ митрополита, воротясь отъ него и встрѣтивъ воспитанника съ „Современникомъ“ въ рукахъ, „размахнулся и и влѣпилъ ему двѣ пощечины и затѣмъ поставилъ его на колѣни“. Это послужило поводомъ для обмѣна мыслей между протоіереями Базаровымъ и Рождественскимъ. На негодованія перваго противъ ученаго монашества послѣдній касается всего столичнаго духовенства и здѣсь, говоря словами пословицы, достается всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. „Вамъ кажется, что этого варвара, т. е. монаха инспектора, сегодня же надо судить, осудить, выбросить вонъ, пишетъ прот. Рождественскій, хорошо, но кто его станетъ судить? Разумѣется старшіе. А эти старшіе, лѣтъ десять назадъ, сами были точно такими же педагогами, и потомъ, сдѣлавшись старшими, повторяли привычную расправу уже не надъ школьниками, а надъ посѣдѣлыми служителями алтаря Господня... Кѣмъ же замѣнить его? По вашему *бѣлымъ*“. Но прот. Рождественскій не защищаетъ и бѣлаго духовенства. Грубость нравовъ въ духовной средѣ онъ считаетъ наслѣдственной, она въ испорченной крови, унаслѣдованной отъ отцовъ и дѣдовъ, а о столичномъ бѣломъ духовенствѣ отзывается такъ. „Мнѣ довольно близко извѣстны всѣ лучшіе протоіереи и священники Петербурга; но еслибы кто предположилъ выбрать изъ нихъ по совѣсти не только архіерея, а хоть бы ректора семинаріи,—право я задумался бы серьезно. Многіе хорошіе люди хороши только для своихъ мѣстъ: исправно совершаютъ десятки лѣтъ стереотипные уроки о потопѣ, о возвращеніи изъ плѣна, о богатомъ и Лазарѣ, о разныхъ членахъ, прошеніяхъ, заповѣдяхъ, говорятъ изрѣдка длинныя проповѣди, толкуютъ съ грѣхомъ пополамъ въ свѣтскомъ обществѣ о назидательныхъ предметахъ,

вѣжливо принимаютъ и провожаютъ проходящихъ къ нимъ, радушно здороваются и прощаются съ своими Лизами, Петями, Вѣрочками,—и только. За то на обратной сторонѣ медали у нихъ: отсталость отъ книжнаго дѣла, погруженіе во всякія житейскія мелочи и дразги, привычка за каждый шагъ ожидать подачи, склонность чтить каждое благородіе титуломъ боярина, расположеніе кланяться всякому толстому карману, непобѣдимая зависть, а иногда и ненависть ко всякому товарищу, у котораго есть лишніе два — три знакомые погреба, или двѣ—три духовныя дочери и пр. и пр. Ну куда же мы годимся съ такими качествами“?... Изъ исторіи тогдашней свѣтской школы почтенный батюшка сообщаетъ фактъ кощунства, произведеннаго въ алтарѣ гимназистами во время службы на первой недѣлѣ великаго поста. Это онъ объявляетъ связью съ университетскими исторіями, распущенностью нравовъ и высказывается въ данномъ случаѣ за рѣшительныя мѣры строгости. И заканчиваетъ утвержденіемъ, „что вдругъ намъ переродиться нельзя, безъ особеннаго чуда, что долго еще придется намъ сносить разныя уродливости въ нашемъ быту, что двигаться впередъ надо обдуманно, не торопясь“.

Для исторіи духовной журналистики за минувшее столѣтіе интересно письмо свящ. А. Ключарева, недавно умершаго преосв. Амвросія, архіепа. Харьковскаго, который былъ инициаторомъ и первымъ редакторомъ „Душеполезнаго Чтенія“. Отсюда можно видѣть, съ какими трудностями было сопряжено тогда издательство духовнаго журнала, даже популярнаго, преслѣдующаго серьезныя общественныя задачи (а не лично корыстныя цѣли), издаваемаго образованнымъ, талантливымъ и убѣжденнымъ человѣкомъ (а не просто ловкимъ предпринимателемъ). „Моя главная задача, мое искреннѣйшее желаніе при началѣ изданія, пишетъ о. Ключаревъ, было—послужить нашему простому, въ собственномъ смыслѣ, народу и вообще всѣмъ сословіямъ, невѣжественнымъ въ дѣлѣ вѣры, общепонятнымъ и сердечнымъ изложеніемъ христіанскаго, душеполезнаго ученія во всѣхъ его видахъ. Это было наше знамя“. Первый годъ изданія ужъ показалъ, что новый журналъ не можетъ рассчитывать на достаточное количество подписчиковъ. Простой народъ принималъ журналъ съ любовью, полубразованные люди съ улыбкою: „что

это, говорили они, хотятъ грамотѣ учить?“ Но простой народъ книгъ не покупаетъ и журналъ рисковалъ остаться безъ подписчиковъ. Сельское духовенство выписывало изданіе только по указамъ консисторій на церковный счетъ. „Что оставалось дѣлать? Надобно было съ измѣной своей задачѣ прилаживаться къ понятіямъ людей съ претензіями на образованность и на современность. И мы съ своей точки зрѣнія стали касаться вопросовъ современныхъ, которые могли интересовать свѣтское общество и самое духовенство. И я отъ души жалѣю объ этой измѣнѣ нашей первоначальной мысли. Оказалось труднымъ и излагать одно ученіе. Простой народъ скоро устаетъ на чтеніи учительныхъ статей, потому что не привыкъ къ размышленію о предметахъ отвлеченныхъ, свѣтскіе люди ими скучаютъ, потому что у нихъ испорченъ вкусъ легкимъ журнальнымъ чтеніемъ. Таковы то плоды нашего просвѣщенія. Вотъ почему мы помѣщаемъ охотно рассказы и анекдоты“. Недоволенъ былъ редакторъ и своими сотрудниками. Духовная передовая молодежь смотрѣла на его дѣло съ презрѣніемъ. „Такой трудъ для нихъ кажется мелочью, дѣломъ ребячьимъ. Ихъ интересуютъ великіе вопросы литературнаго кружка; милліоны православнаго народа для нихъ не стоятъ вниманія... Лучшіе наши таланты смотрятъ по верхамъ, большинство нашего магистерства спитъ непробуднымъ сномъ лѣни, и въ статьяхъ, отъ нихъ получаемыхъ, царствуетъ школьная формальность, отвлеченность и сухость. Даровитыхъ охотниковъ потрудиться надъ тѣмъ, чтобы высвободить догматическое ученіе и даже нравственное изъ школьных формъ и научнаго языка, въ который у насъ его запутали, приблизить его къ пониманію народа, выработать для него новую, живую и ясную рѣчь — пока еще нѣтъ“. Сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ изливались эти сѣтованія. Но какъ они современны!

Можемъ указать еще читателямъ въ Воспоминаніяхъ протоіерея Базарова интересныя сообщенія о профессорѣ Пальмерѣ, ренегатѣ Джунковскомъ и о даровитомъ, но несчастномъ заграничномъ діаконѣ Репловскомъ, воспитанникѣ нашей академіи.

IX. А. А. Папковъ, извѣстный читателямъ Богосл. Вѣстн. своими дѣльными статьями о древнерусскомъ приходѣ (1897 г.)

и о братствахъ (1894, 1897 и 1898 гг.), закончилъ свой очеркъ „Церковно-Общественные вопросы въ эпоху Александра II (1855—1870)“. О первыхъ его главахъ (I—V) мы давали отчетъ своимъ читателямъ (см. Б. В. 1901 г. июнь, 393—399). Познакомимъ ихъ теперь со второй половиной очерка. Надо впрочемъ предупредить читателя, что въ Русскомъ Вѣстникѣ, гдѣ начата печатаніемъ эта статья, онъ не найдетъ ея продолженія и окончанія. Почему то авторъ перепечатываетъ уже изданныя главы и печатаетъ не появившіяся въ свѣтъ въ другомъ журналѣ въ „Странникѣ“ (начиная съ августа по декабрь) и даетъ своей статьѣ нѣсколько иное заглавіе „Церковь и Общество въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870)“. Несомнѣнно Русскій Вѣстникъ лишился хорошей статьи ¹⁾.

Въ 1862 г. было учреждено Особое Присутствіе для дѣлъ православнаго духовенства; оно должно было выработать рядъ мѣръ къ преобразованію духовнаго сословія и отчасти вѣдомства. Въ его составъ вошли члены Св. Синода подъ предсѣдательствомъ митр. Исидора и нѣсколько свѣтскихъ чиновниковъ. Но открытіе Присутствія замедлялось не только трудностью дѣла, а и недовѣріемъ, которое существовало между свѣтскими и духовными его членами, а также и среди однихъ духовныхъ. Митр. Филаретъ, къ мнѣнію котораго всѣ прислушивались, опасался того, что въ составъ присутствія вошелъ весь Синодъ, опасался именно того, что если онъ уступитъ мнѣнію свѣтскихъ, то у него въ резервѣ не останется никого. Лучше бы было, по его мнѣнію, пригласить въ Присутствіе только нѣкоторыхъ членовъ Синода. Другіе радовались этому именно обстоятельству, видя въ немъ гарантію торжества своего мнѣнія. Низшее духовенство роптало, будто духовное начальство не хочетъ заботиться объ улучшеніи его быта, въ чемъ поддерживали духовенство и свѣтскіе люди. Іерархи усмотрѣли въ этомъ чуть не посягательство на свои права со стороны забитаго, многострадальнаго бѣлаго духовенства. Митр. Исидоръ писалъ: „нѣтъ никакого сомнѣнія, что свѣтскіе получаютъ внушенія отъ

¹⁾ Последнія главы VI—X, содержаніе которыхъ здѣсь передается, напечатаны въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Странника“. Весь очеркъ выйдет и *отдѣльной книгой* (цѣна 1 р. 50 коп.).

нашего бѣлаго духовенства, тяготящагося подчиненіемъ іерархической власти“. Кіевскій митр. Арсеній заявлялъ: „мы живемъ въ вѣкъ жестокаго гоненія на вѣру и церковь подъ видомъ коварнаго объ нихъ попеченія“, онъ боялся возвышенія бѣлаго духовенства, печалился объ угнетенномъ положеніи архіереевъ, безличныхъ и безгласныхъ въ Синодѣ, боялся наконецъ преобладанія церковной общины надъ духовенствомъ. Одинъ Государь-Освободитель твердо вѣрилъ въ нужду реформы и торопилъ Присутствіе выработать программу, т. е. рядъ вопросовъ. Вопросы эти касались матеріальнаго положенія духовенства, его правъ и правъ дѣтей духовенства, наконецъ участія духовенства въ школьномъ образованіи народа. Для помощи высшему правительству въ 1863 г. были образованы губернскія присутствія, смѣшанныя по составу. Такъ важное дѣло реформы духовнаго вѣдомства скоро перенеслось въ кругъ дѣятельности всего православнаго общества и сдѣлалось достояніемъ гласности.

Это обстоятельство имѣло большое значеніе если не для дѣятельности Особаго Присутствія, которое далеко не всегда прислушивалось къ заявленіямъ и сообщеніямъ печати, а по крайней мѣрѣ для всесторонняго выясненія нуждъ русскаго духовенства,—выясненія, которое было достигнуто безбоязненнымъ обсужденіемъ всей системы русскаго церковнаго управленія. О *матеріальномъ положеніи* православнаго духовенства было заявлено въ печати, что оно нищенствуетъ, тогда какъ инославное духовенство, напримѣръ лютеранское, обставлено прекрасно. Разныя мѣры предлагались къ улучшенію его экономическаго быта. Само духовенство въ корреспонденціяхъ высказывалось за то, чтобы поступить на жалованье отъ казны: оно было приведено къ этому унижительнымъ способомъ собиранія или выколачиванія доходовъ съ прихожанъ. Только немногіе изъ духовенства и свѣтскія газеты (Моск. Вѣд. и День) стояли за содержаніе отъ прихода и независимое отъ казны, боясь превращенія священника въ государственнаго чиновника. Третьи, выходя изъ того положенія, что церковь не должна быть въ исключительной зависимости ни отъ государства ни отъ народа, желали, чтобы та и другая сторона соединились въ средствахъ содержанія духовенства. По вопросу о *преобразованіи духовныхъ училищъ* мнѣнія печати раздѣлились на два лагеря:

одни выражали желаніе связать посредствомъ образованія крѣпкими узами духовенство и общество—они стояли за расширеніе общеобразовательныхъ наукъ въ программѣ духовной школы, другіе строго держались одного круга духовнаго и его интересовъ — эти высказывали опасеніе предъ вѣянїями, которыми проникнута была свѣтская наука (матеріализмъ), а въ основѣ семинарскаго образованія видѣли твердое и широко соразмѣренное произведеніе, нуждающееся не въ ломкѣ, а въ преобразованіи. Публицисты коснулись и *системы церковнаго управленія*. Былъ поставленъ вопросъ о монашествѣ епископовъ и рѣшался иными такъ, что епископомъ не только можетъ но и должно быть лицо, не принявшее постриженія. И. С. Аксаковъ сильно ополчался въ своемъ „Днѣ“ на монашество, которое измѣнило своему назначенію, сдѣлалось изъ подвижничества карьерой; онъ отмѣчалъ порабощенное положеніе бѣлаго духовенства надъ которымъ законно или незаконно имѣютъ власть кромѣ епископа благочинный, консисторія, секретари. Печальное положеніе духовенства, непригодность административнаго строя, усыпляющаго нравственныя силы сословія, заставили вспомнить старину и заговорить о выборномъ началѣ въ управленіи. Выборное начало кой—гдѣ было примѣнено къ великой радости духовенства. Установлены были тогда епархіальныя съѣзды духовенства для разсужденія о своихъ сословныхъ нуждахъ. Въ вопросѣ о *сословномъ положеніи духовенства и о расширеніи его правъ* было выяснено, что права эти только забыты, затемнены или подавлены. Въ 1867 г. послѣдовала отмѣна наслѣдственнаго начала въ замѣщеніи церковныхъ мѣстъ и нужды прихода были поставлены на первый планъ. Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1 янв. 1864 г. духовенству предоставлено было право участвовать въ земскихъ дѣлахъ. Все это съ восторгомъ встрѣчалось журналистикой. Высказывались пожеланія участія духовенства въ народномъ образованіи посредствомъ воскресныхъ школъ, горячо ратовали за предоставленіе священникамъ свободы проповѣди.

Такъ какъ корень всѣхъ проектируемыхъ преобразованій заключался въ приходскомъ строѣ или сводился къ нему, то возникаетъ *вопросъ о возстановленіи древнерусскаго прихода* по крайней мѣрѣ въ его юридической сторонѣ. Приходъ

трактуются (въ журналистикѣ) какъ мѣстная церковь, обнимающая мѣстную іерархію, мѣстную власть и народъ; онъ обладаетъ поэтому правомъ собственности надъ всеѣмъ церковно-приходскимъ имуществомъ. Но прессой дѣло не ограничивалось: ту же мысль проводилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ въ запискѣ, поданной въ Особое Присутствіе: онъ говорилъ о возбужденіи и поощреніи „самостоятельности и самодѣятельности приходскихъ обществъ“, объ участи прихожанъ въ украшеніи храма и благосостояніи духовенства. Были очень важныя косвенныя побужденія къ пересмотру приходскаго строя, именно въ экономической его части—полная непригодность института совершенно безконтрольных церковныхъ старостъ. Разрабатывался вопросъ о приходской благотворительности, о ея преимуществахъ предъ благотворительностью помощью казенныхъ заведеній, какъ благотворительности „подъ отвѣтственностью“ надъ благотворительностью „подъ отчетностью“. Приводились и тѣ справедливыя соображенія, что у насъ нѣтъ собственно общества православнаго, церковнаго, связаннаго одною мыслью и желаніемъ послужить нуждамъ православной церкви и вѣры. Въ этомъ отношеніи у насъ каждый живетъ особнякомъ, какъ будто благосостояніе церкви не подлежитъ общему попеченію. Представителями православнаго общества и должны служить приходы. Одно событіе обнаружило между тѣмъ всю неприглядность и несовершенство существовавшей системы управленія церковными имуществами: Смоленскій епископъ Антоній въ 1864 г. обратился съ окружнымъ посланіемъ къ духовенству всей епархіи съ убѣдительною просьбой не образовывать негласныхъ суммъ, употреблявшихся безъ всякаго контроля, и не утаивать церковно-свѣчныхъ доходовъ, а показывать ихъ правдиво и высылать сполна начальству, которое позаботится на эти средства устроить матеріальную часть духовно-учебныхъ заведеній, обнищавшихъ по всей Россіи. Это воззваніе было всероссійскимъ оглашеніемъ ненормальности порядка, признаніемъ повсемѣстной утайки свѣчныхъ суммъ, „терпимаго святотатства“ по выраженію Д. Ѳ. Самарина.

На всѣ эти запросы жизни Особое Присутствіе отвѣтило учрежденіемъ братствъ и приходскихъ попечительствъ (въ 1864 г.), которыя не удовлетворили никого. Это были учре-

жденія безжизненныя, особенно приходскія попечительства. Когда они начали открываться, то стали домогаться права распоряженія церковными имуществами и контролированія ихъ. Но мѣстные епископы и Св. Синодъ отвѣчали отказомъ на такія просьбы. Этимъ въ корень была подорвана жизненная сила приходскихъ попечительствъ, обреченныхъ на безцвѣтное существованіе. Окончательно уничтожило попечительства распоряженіе духовнаго начальства въ 1869 г., разъяснявшее, что въ вѣдѣніе попечительствъ должны поступать только средства и суммы, пожертвованныя прихожанами особо и спеціально въ попечительство; всѣ же остальные церковныя суммы по прежнему остаются въ полномъ распоряженіи мѣстнаго духовенства.

Въ томъ же 1869 г. послѣдовала другая мѣра, не принесшая церковно-приходской жизни ничего кромѣ вреда—*сокращеніе приходовъ*. Защитникомъ интересовъ прихода и прихожанъ выступилъ тогда Д. Θ. Самаринъ. Онъ справедливо ставилъ вопросъ, страннымъ образомъ опущенный Особымъ Присутствіемъ,—совпадаетъ ли такая реформа съ желаніемъ и потребностями тѣхъ прихожанъ, приходы которыхъ уничтожились, и тѣхъ, къ которымъ причислялись прихожане закрытыхъ приходовъ, наконецъ—съ желаніемъ духовенства, остававшагося за штатомъ. Мѣра вызвала ропотъ среди народа, охлажденіе къ церкви и непріязнь къ духовенству. И понятно, — духовенство, рассуждалъ Самаринъ, не должно быть обезпечиваемо въ ущербъ удовлетворенію религіозной потребности народа. Онъ боялся, что эта реформа будетъ на руку раскольникамъ, можетъ повлечь отпаденіе значительной части православнаго народа въ расколъ.

Очеркъ кончается разсужденіемъ о возможномъ и легкомъ возстановленіи древнерусскаго прихода, этого корня церковно-общественной жизни по мнѣнію автора.

Итакъ что же сдѣлало Особое Присутствіе для улучшенія нашей церковно-общественной жизни? Очень и очень мало. Работа по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства была неудовлетворительна, церковно-приходскія попечительства — учрежденія мертворожденныя, сокращеніе приходовъ мѣра вредная. Видно, что освободительная эпоха для церковнаго общества не наступала.

Что сказать о статьѣ г. Папкова? Какъ ее оцѣнивать?

Статья прекрасная, но этотъ отзывъ прилагается къ ней не съ научной точки зрѣнія, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ самъ авторъ, для этого не пришло время и не разобраны архивы, а мы добавимъ отъ себя—не сданы въ архивъ всѣ обсуждаемые въ ней вопросы. Церковную исторію второй половины XIX вѣка можно писать пока въ видѣ набросковъ или замѣчаній. Но работа г. Папкова имѣетъ другой интересъ—практическій. Современная церковная жизнь задаетъ цѣлый рядъ старыхъ, наболѣвшихъ вопросовъ. Религіозность и церковность въ народѣ падаютъ, расколъ не поддается направленнымъ противъ него мѣрамъ, сектанство растетъ съ страшною силою. Духовенство наше все также дурно обезпечено, безправно, недовольно своимъ положеніемъ и холодно къ обязанностямъ. Духовная школа нуждается къ радикальной реформѣ, духовная наука въ освѣщеніи. Массовое стремленіе духовной молодежи въ свѣтскія школы, а окончившихъ духовную школу на свѣтскую службу—вотъ явленія, требующія самаго серьезнаго, а главное благожелательнаго и безпристрастнаго обсужденія. Не случайность эти явленія, объяснять ихъ наносными вѣяніями или развращеніемъ нравовъ значитъ уклоняться отъ объясненія, потому что вопросъ заключается въ томъ, почему эти враждебныя церкви силы вдругъ получили такое могущество, что обезсиливаетъ воинствующую церковь, которой обѣщана побѣда даже надъ вратами ада. Мы всѣ въ этомъ повинны, но мало виновно низшее духовенство, которое самымъ своимъ положеніемъ лишается энергіи и инициативы, еще менѣе отвѣственъ народъ, не призванный къ живому участию въ церковно-общественной жизни. Кому много дано съ того много и взыщется... съ того взыщеть безпристрастный судъ исторіи. И вотъ когда придетъ время церковныхъ реформъ, дѣятели, поставленные во главу этого дѣла, не должны пропускать безъ вниманія прежніе опыты, прежнія хотя и не удавшіяся попытки реформъ. Имъ понадобятся работы вродѣ разбираемаго очерка г. Папкова и понадобятся не для однихъ справокъ. При безбоязненномъ, гласномъ обсужденіи преобразованій въ то время были довольно полно высказаны въ печати немолчно вопіющія нужды русской церковно-общественной жизни. И будущіе дѣятели наши нравственно обязаны прислушаться къ этому голосу обще-

ства. Пусть они успокоятся: не чрезъ „мошенниковъ пера и разбойниковъ печати“ наше общество высказывало свои *pia desideria*, а чрезъ людей, имена которыхъ дороги каждому честно убѣжденному русскому человѣку — Аксакова, Самарина, Валуева. „Ужели же, восклицалъ одинъ публицистъ освободительной эпохи, среди всѣхъ этихъ реформъ только церковной жизни, жизни по самому существу своему наиболѣе свободной, не коснется этотъ духъ времени, оживляющій сухія и мертвыя кости, духъ жизни свободной и самодѣятельной, — ужели съ нея только не будутъ сняты тѣ бюрократическія оковы, которыя историческія обстоятельства наложили на нее, вмѣстѣ съ другими сторонами и областями русской жизни?.. И тѣ люди, которые всему въ религіи, даже чисто внѣшнимъ, чисто временнымъ историческимъ обрядамъ и учрежденіямъ церковнымъ, хотятъ придать характеръ догматической неизмѣнности и упорно противятся всякимъ, даже самымъ незначительнымъ реформамъ церковнымъ, оказываютъ дурную услугу своей церкви: они губятъ самый живой родникъ религіозной жизни уничтожаютъ и извращаютъ самый могущественный и возвышенный мотивъ человѣческой жизни“ („Странникъ“, декабрь, 884, 885 стр.).

Перечислимъ остальные статьи по Исторіи Русской Церкви, которыя не нашли мѣста въ нашемъ обзорѣ: *Проф. М. Н. Сперанскаго*, Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности (Чт. Общ. Ист. и Др. кн. 199), *И. М. Покровскаго*, Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. (Прав. Соб. январь—октябрь)—это цѣлыя обширныя изслѣдованія; *Проф. П. В. Знаменскаго*, Нѣсколько матеріаловъ для исторіи Алтайской миссіи и участія въ ея дѣлахъ Н. И. Ильминскаго (Прав. Соб. октябрь—декабрь); *П. Потоцкаго*, Голосъ пастырей церкви о крѣпостной зависимости въ эпоху императрицы Екатерины II (Вѣра и Разумъ, октябрь кн. 2-ая).

С. Смирновъ.